

порядком слов», т. е. по преимуществу высказываний-описаний, которые в плане выражения характеризуются препозицией сказуемого и некоторыми другими признаками. По Т. М. Николаевой, как отчасти уже говорилось, эти высказывания семантически являются глобально-ситуационными в отличие от бифокальных — с расчленением прежде всего на тему и рему, т. е. высказываний «первого естественного порядка слова» — SV [O]. Именно трактовка глобальности как невыделимости темы и ремы требует, как нам кажется, определенных коррективов. Т. М. Николаева здесь вполне традиционно понимает тему и рему, говоря, что в примерах наподобие *Горит восток зарею новой* — в отличие от примеров типа *Этот человек — мой большой приятель* — «трудно выделить то, о чем говорится, и то, что говорится, иначе, тему и рему (с. 63). Но абсолютно ли это верно?

По-видимому, планом содержания любого (повествовательного) предложения выступает пропозиция, а пропозиция, или, что в данном случае то же самое, суждение, есть результат приписывания признака Р имени S, т. е., иными словами, субъектно-предикатная структура².

«Субъектно-предикатная структура» здесь определенно синонимична «темо-рематической» (ср. толкование темы и ремы выше: «то, что говорится» и «то, о чем говорится» — ведь это обычное определение предиката и субъекта). Если изложенное верно, то высказываний, в которых принципиально отсутствовало бы вычленение темы-субъекта и ремы-предиката, быть не может. В высказывании *Горит восток зарею новой* говорится о востоке (субъект, или тема) и о том, что он горит зарею новой (предикат, или рема).

Путь к объяснению, думается, и здесь лежит в изучении соотношения синтаксической и семантической структур. Как утверждалось выше, семантическая структура высказываний-описаний со «вторым естественным порядком слов» двучленна: содержит тему и рему (субъект и предикат). Однако синтаксическая структура таких высказываний **о д н о ч л е н н а** в том смысле, что сказуемое и подлежащее здесь составляют **о д н у с и н т а г м у** (это проявляется и определяется просодически). Как справедливо замечено в академической «Русской грамматике», введение синтагматической границы в двусловных высказываниях такого рода меняет их статус, создавая «иной коммуникативный тип

со сказуемым-темой и подлежащим-ремой: *Стучит — дятел*» [2]. Иначе говоря, и здесь мы наблюдаем **а с и м м е т р и ч н о с т ь** в соотношении синтаксической и семантической структур.

Однако сказанным проблема, конечно, далеко не исчерпывается. Если учесть, что синтагма есть «единство речи-мысли», то само по себе вхождение в одну синтагму может повлечь за собой некоторую более тесную семантическую связь (на что в сущности и указывает трактовка новой академической грамматики русского языка и Т. М. Николаевой). Но остается неясным, аппаратом каких понятий следует пользоваться для описания степени тесноты такой связи. Возможны следующие рассуждения. В основе плана содержания лежит предикатно-актантная структура, традиционно записываемая, скажем, как aRbc. Однако в силу разного рода причин (возможно, в частности, и под влиянием синтаксической структуры) происходит — вероятно, обязательное — дополнительное внутреннее структурирование предикатно-актантной конструкции, когда возникают семантические образования типа a(Rbc) и т. п. (именно последняя структура с выделением субъекта и «втягиванием» остальных актантов в состав предиката и является субъектно-предикатной). Очевидно, в высказываниях со «вторым естественным порядком слов» происходит «втягивание» в состав предиката также и того актанта, который выступает в качестве субъекта. Это не ведет к «нерасчлененности» ситуации, но действительно вызывает — на некотором другом уровне — повышенную степень связанности семантических компонентов высказывания.

Разумеется, изложенное здесь полуметафорическое предварительное описание не заменяет специального семантического аппарата, необходимость в котором ощущается (вероятно, частью такого аппарата должны стать средства описания явлений, которые сейчас трактуются как актуальное членение предложения). Нужно еще добавить, что Т. М. Николаева ставит также вопрос об относительной архаичности «глобальных» высказываний (с. 72—73, 94). Действительно, вполне возможно, что языку свойственно движение от структур с менее противопоставленными компонентами к структурам с более поляризованными составляющими.

Последняя глава монографии носит название «АВ в связном устном тексте». Здесь анализируется система акцентного выделения в связном тексте — прежде всего, в устной научной речи (доклад, лекция и т. п.). Во-первых, АВ в устной научной речи призвано служить своего рода демаркативным средством, выделяя главным образом начальные точки высказываний, входящих в текст. Во-вторых, АВ создает «опорные точки» в тексте — информативно важные компоненты, к которым требуется привлечь внимание аудитории. В-третьих, акцентное выделение

² Ср.: «Мысль, выраженная суждением как ее универсальной структурной единицей..., представляет собой психически отображенное отношение как результат межъязыкового перевода. Инвариантом такого перевода является именно *отношение между элементами, которые представлены операндами суждения — его субъектом и предикатом*» [1].